

Отказы от новорожденных

Каждый год в российских роддомах остается более 6 000 новорожденных. Однако, даже небольшая помощь матери может сохранить для ребенка родную семью. Вот некоторые истории обитательниц приюта "Теплый дом", которые в первые дни после родов намеревались отказаться от ребенка:

Лариса, 29 лет – в 26 лет потеряла всю семью. Приехала в Москву из Казахстана и работала продавцом в частном магазине. Около года встречалась с молодым человеком, который бросил ее, узнав о беременности. Денег на аборт не было, работу потеряла, поэтому решила оставить ребенка в родильном доме.

Маша, 20 лет – сама сирота, в Москву приехала с гражданским мужем. До беременности оба работали, жили в строительном вагончике. После родов муж предложил Маше уехать с ребенком к матери-алкоголичке. Маша хотела отдать ребенка "как будто ничего не было".

Алина, 29 лет – приехала в Москву с отцом, которому нужна была операция на сердце. Потом осталась за ним ухаживать - из-за осложнений он превратился в лежачего больного. Два года жила в гражданском браке с приезжим, после смерти отца забеременела. Денег на аборт не было, муж бросил, хозяйева с квартиры выгнали. Хотела оставить ребенка в доме малютки, а самой устроиться туда нянечкой.

Другие истории – в статье ниже.

ОБЩЕЕ МЕСТО

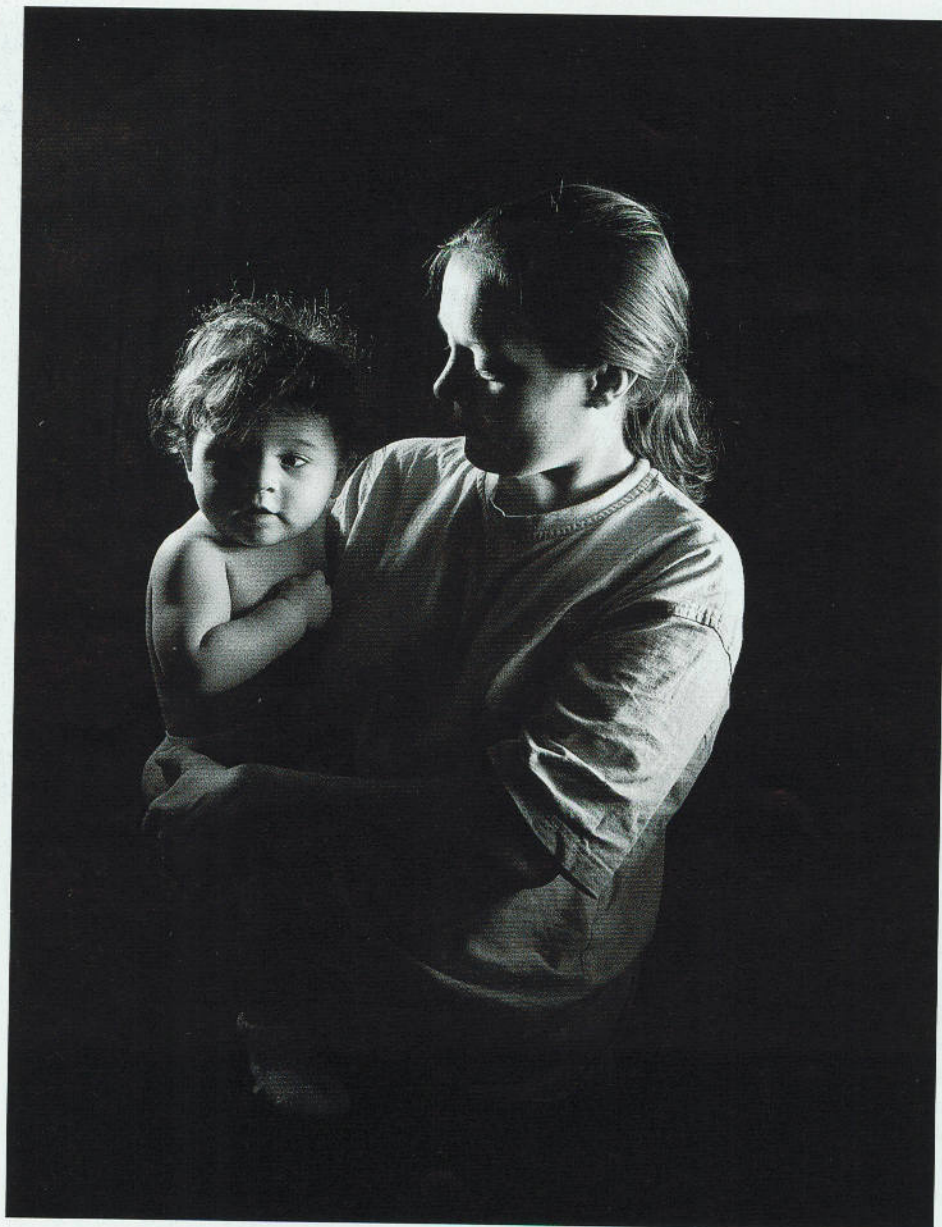
Как проект «Теплый дом» вместо государства решает проблемы мам, готовых отказаться от собственных детей, потому что им некуда с ними идти.

ТАТЬЯНА АРЧАКОВА

психолог, координатор проекта «Теплый дом» фонда «Волонтеры в помощь детям-сиротам»

«Наш фонд существует уже четыре года и работает сразу по нескольким направлениям, одно из основ-

ных – помощь мамам, которые оказались в кризисной ситуации и собираются отказаться от ребенка. Среди них много выпускниц детдомов, которые не прогнозируют ни свое финансовое благополучие, ни репродуктивную сферу. Иногда бывает, что женщина узна-

ЛАРИСА, 29 лет
сын – ДАНИИЛ, 7 месяцев
живет в «Теплом доме»

«Родилась я в Казахстане, в городе Газалкин, и три года назад потеряла всю семью: погибла мама, сестренка, не выдержав ее смерти, впала в кому и скончалась. А папы у нас никогда не было. Я уехала в Москву и работала продавцом в частном магазине. Как-то на улице познакомилась с молодым человеком – водителем, москвичом. Семью мы не планировали, но встречались около года. Он бросил меня через две недели после того, как я сказала ему, что беременна. Денег на аборт у меня не было – с ними ведь всегда туго, а под конец беременности, когда живот заметный стал, я и работу свою потеряла. Я решила оставить ребенка в родильном доме. Что я могла дать ребенку? Ни работы, ни дома. Рожала я на улице Волжской, в 68-м роддоме. Когда Даниила в палату принесли, у меня ком в горле встал. Я его два дня грудью кормила и очень к нему привязалась. Но выхода не было, пошла к юристу – писать отказ от ребенка. Он предложил сначала с психологом посоветоваться. А она волонтеров из этого фонда нашла. Они меня из роддома забрали, я только на квартиру за вещами заехала, и все. Папаша про нас слышать не хочет – месяц назад даже номер телефона сменил. Даня на него очень похож, и у меня из-за этого есть, конечно, расстройство, да что поделаешь? Надеюсь, что жизнь меня не подведет и я от сына больше никогда откажусь. В этом доме мы можем находиться год и должны соблюдать все условия: через день убирать, чистить участок. С парницей у нас нормальные отношения, глаза друг другу не мозолим. А дети наши вместе играют. Планы теперь такие: на очередь в ясли встать, потом на работу устроиться. Как у всех, в общем».

ДЕТИ

ет про беременность слишком поздно, хотя, конечно, в этом есть психологическая подоплека. Она говорит: «У меня всегда были задержки и вообще – дисфункция. Только когда начались шевеления плода, я поняла, что это не задержка».

У нас есть договор с роддомом в Королеве, откуда нам сообщают, если роженица планирует отказаться от ребенка. Туда выезжает психолог фонда или волонтер и предлагает помощь. За каждой мамой закрепляется куратор, который все время с ней на связи: приезжает, привозит вещи, подключает, если надо, юриста и пси-

холога. Мы помогаем оформить документы, решить вопрос с жильем, продуктами и вещами, раз в год даем денежную помощь, устраиваем ребенка в ясли.

Наша деятельность отчасти финансируется государством – мы получили грант от Минздравсоцразвития. Правда, этих 700 тысяч рублей хватило только на обучение волонтеров и небольшую часть зарплаты юристов. Остальные расходы покрываются пожертвованиями. А ведь если подобное сотрудничество НКО и властей войдет в привычку, то в России может прижиться действенная модель совместной помощи, как в США

МАША КРУТИКОВА, 20 лет
дочь – НАДЯ, 7 месяцев
снимает комнату в коммуналке

«Сама я из Нижнего Новгорода, решила в Москве заработать маленько, и с мужичиной приехала своим, с Сашей. Папа умер в колонии от туберкулеза, мама – алкоголичка. Она нас с младшей сестрой дома оставляла, а сама пить шла. Есть нечего было совсем, мы все время одни, если отца не считать, который тоже алкоголиком был, а как мама приходила, так он бил ее сильно. В 8 лет пошла я с сестрой в милицию, сказала: «Заберите в детдом, не могу больше». Отдали в приют «Солнышко», хороший приют. Саша серьезный человек, в два раза меня старше. Я в Москве на семечном заводе работала, семечки перебирала, а Саша автомехаником устроился, и мы с ним в вагончике строительном жили. Когда я забеременела, Саша говорил: «Хочешь родить ребенка, рожай. Поедешь с ним к маме». А мама у меня – ни денег, ничего, постоянно пьяная, мужики ходят. Лучше, думаю, ребенка отдать, а самой в Москве остаться и жить с Сашей, будто и не было ничего. Родила я в Королеве, все 4 дня до выписки ребенка своего грудью не кормила, а сама боялась, как бы его чужой тетке на кормление не принесли. А когда я отказ писала, педиатр роддома, Анна Алексеевна, сказала: «Подожди, подумай. Сейчас волонтеры придут, они тебе помогут». Сначала ко мне Диана приехала, психолог из фонда. Потом Олеся мной занялась, волонтер. Сейчас я в Королеве комнату снимаю, за пять тысяч рублей. К Саше мы иногда с Надюшкой ездим, но отношения у нас сложные, особо рассчитывать на него не приходится. Я вот жду, мне вроде бы в Нижнем Новгороде жилплощадь должны дать, уеду тогда с Надюшкой. Если нет – отдам дочку в ясли, а сама работать пойду. Проживем как-нибудь».

ДЕТИ

и Европе. Ведь пока наши социальные службы готовы только раз проконсультировать иногородних мам и негражданок России. Мы работаем с 30 иногородними мамами в год. Большинство из них оставляют ребенка себе. Самая острая проблема – с детьми некуда идти. Представьте иногороднюю беременную, живущую на съемной квартире: хозяин говорит ей, что с ребенком она никому не нужна; он не верит, что она будет ему платить; чаще всего речь идет не о квартире даже, а об угле в комнате, где и так напихано семей по лавкам. В январе у нас открылся собственный

дом, а до того мы помогали мамам искать комнаты в Подмоскowie или размещали в дружественном приюте «Незнайка» для бездомных женщин с детьми. Но там очень мало места – в одной небольшой комнате живут по две-три семьи. Собственный дом мы нашли совершенно случайно, в Подмоскowie. Аренда – 45 тысяч рублей в месяц. Спонсор заплатил за два месяца вперед и устно пообещал продолжать, но существовать с одним источником финансирования, конечно, рискованно. Сейчас в доме живут две женщины, и я приезжаю к ним три раза в неделю. Два раза мы проводим

АЛИНА Ш., 29 лет
дочь – РАДА, 7 месяцев
живет в «Теплом доме»

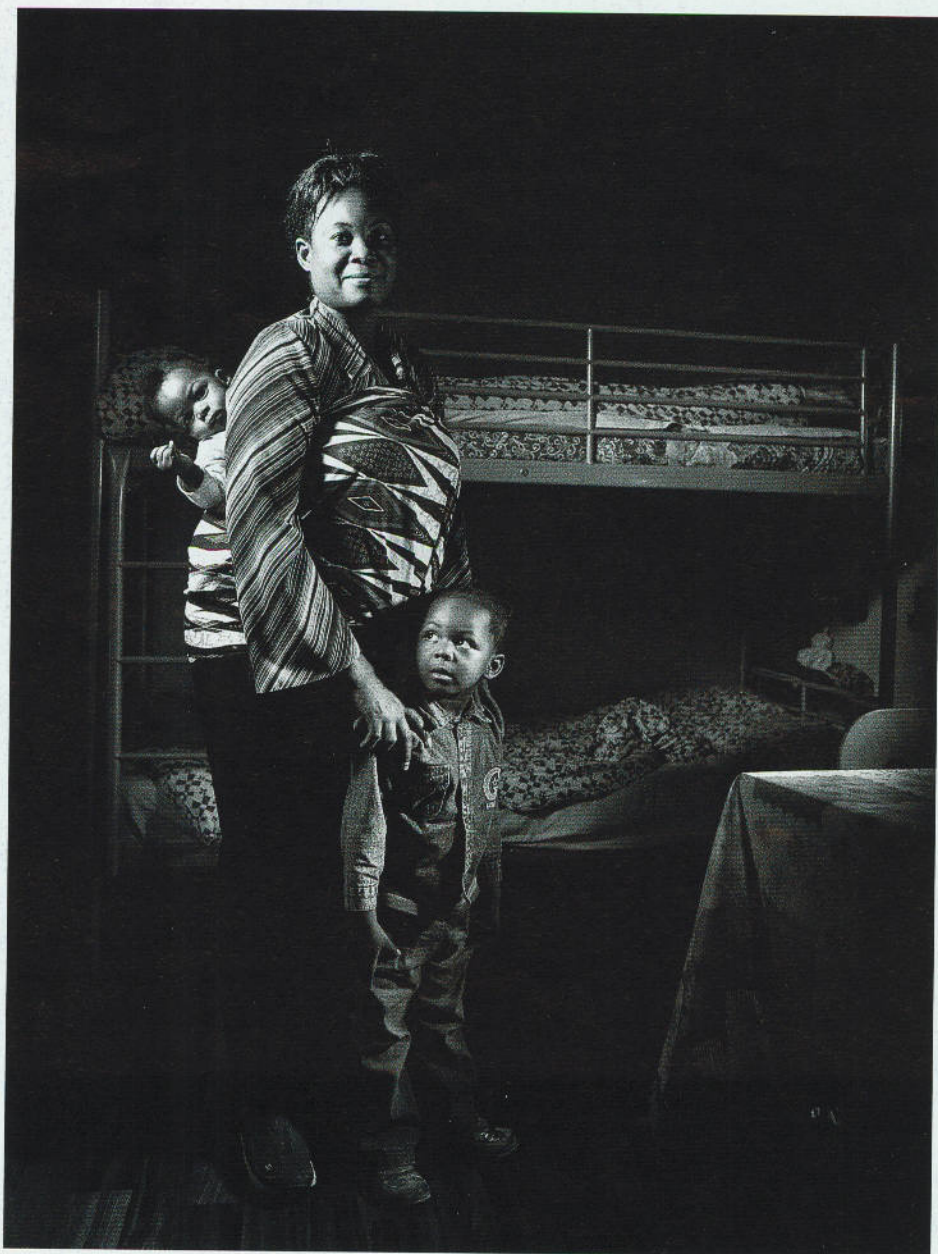
«Сама я из Мордовии. В Москву приехала с папой три года назад. Ему надо было делать операцию – большое сердце. Ему заменили левый митральный клапан, но операция прошла неудачно, и папа превратился в лежачего больного. Я устроилась на работу в магазин METRO. Там познакомилась с папой Рады – он тоже приезжий, из Казахстана. Он предложил нам с папой пожить у него, на съемной квартире. Он сразу сказал, что у него семья на родине и «ничего у нас не будет». Не могу сказать, что любила его как-то сильно, но два года мы жили вместе, и я к нему привязалась. В 2009 году, 5 октября, папа умер, и я повезла его тело на родину. Беременность у меня случилась сразу по возвращении в Москву, но я сообщила, что со мной что-то не так, только через 3 месяца. В клинике мне согласились сделать выскабливание за 12 тысяч рублей, но денег у меня не хватило. Папа Рады сказал, что он и так мне два года с папой помогал, с него достаточно. Я пришла домой – вещей его нет. Хозяйка квартирнай сказала: «Ищи другое место». Жить я пошла в приют Матери Терезы, куда сестры меня, беременную, приняли. Они и спросили: «Когда родишь, куда ребенка денешь?» Я думала, отдам в дом нянечки, а сама устроюсь туда же санитаркой, чтоб при ребенке быть. Обзвонила все дома нянечки Москвы и Подмоскowie, но без прописки меня никуда не взяли. И совершенно случайно, через приют «Незнайка», мне нашли этот дом, где все есть. И я теперь думаю: «Как хорошо, что у меня тогда денег на аборт не хватило». А папа Рады звонит раз в месяц, каждый раз с разного номера. Я не собираюсь ему перезванивать, перестала переживать по этому поводу».

ДЕТИ

занятия группы «Мой малыш», один – обсуждаем текущие дела, составляем график дежурств по уборке. Фонд выделяет деньги на еду, продукты мамы покупают сами, а потом отчитываются по чекам. Пока мам всего две, забот не очень много, всего мы можем поселить шесть мам с детьми. Скоро мы заключим договор с одним из московских роддомов, где рожают женщины без документов и прописки, так что с заполняемостью, думаю, проблем не будет.

Мы не можем себе позволить селить женщин дольше чем на год – и за это время нужно их устро-

ить. Конечно, идеально было бы сразу обеспечить всех этих женщин работой. Здесь есть компьютер, они могли бы печатать анкеты. Шить, наверное, им было бы сложно, но они вполне могли бы изготавливать свечи или ароматное мыло – то есть то, что можно быстро сделать руками. Но на данный момент это все мечты. Пока мы стараемся держать адрес нашего приюта в секрете: во-первых, у нас нет связи с администрацией данного подмосковного района и органами опеки, во-вторых, хотим избежать стремительного наплыва желающих». ■

НДЗУСИ МАЛЕНГА ОРТАНС, 33 года
дочь – ГРАЦИАС, 3 года
дочь – ДАНИЭЛЬ, 7 месяцев
живет в приюте «Незнайка»

«Я приехала сюда из Конго. Мой муж был членом оппозиционной партии, мы прожили вместе 8 лет. Больше года назад он оказался замешан в убийстве родственника президента страны и бежал. После его исчезновения ко мне пришел его приятель: «Ортанс, поезжай в Россию – говорят, туда уехал твой муж». Семья мужа собрала нам с Граcias денег на билет и двухнедельную визу, и год назад мы прилетели сюда. Сейчас я сомневаюсь в том, что муж здесь. В Конго мне дали контакты людей в Москве, но они о нем не слышали. Мне посоветовали обратиться в африканскую общину в Мытищах. Я ходила по городу, показывала фотографию мужа, но его никто не опознал. Я осталась в Мытищах, потому что жить там было дешевле, чем в Москве – особенно беременной. Рожать меня увезли в больницу в Королеве. Оттуда позвонили в фонд и сказали, что вот женщина, не говорит ни на одном языке, не берет своего ребенка на кормление. Я не хотела отказываться от дочери, просто не знала, что делать и куда идти. Там, где я жила, уже было много людей, и мне сказали, что вернуться туда с ребенком невозможно. Я не работала, друзья, с которыми жила, помогли мне только продуктами. Потом волонтеры помогли мне найти место в приюте «Незнайка», и теперь мне есть где спать и что поесть. Нашелся Кейси, переводчик с лингалы. В агентстве по делам беженцев при ООН мне оформили ходатайство о предоставлении статуса беженки, но самого статуса у меня нет. Для начала мне нужно найти работу, чтобы кормить детей, но было бы очень хорошо, если бы меня переслали в другую страну, потому что такая жизнь – это не жизнь». ■